

Иван ЩЁЛОКОВ,

член редколлегии альманаха «День поэзии»,
главный редактор
литературно-художественного журнала
«Подъём»
г. Воронеж

«Нет
нумерации...
поэтов»

Размышления на полях всероссийского альманаха «День поэзии – 2013»

Вышел восьмой по счету всероссийский альманах «День поэзии». На этот раз в Петрозаводске при участии журнала «Север». Ранее стартовой площадкой для него были «Литературная газета», журналы «Второй Петербург», «Нева», «Юность», «Подъём».

Возрожден был ежегодник в 2006 году по инициативе группы энтузиастов из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, при участии ассоциации «Лермонтовское наследие», возглавляемой прямым потомком и полным тезкой великого поэта М.Ю. Лермонтовым.

Теперь уже можно говорить, что «День поэзии» как уникальный издательский проект состоялся, преодолел первый «звуковой» барьер в путешествии по пространствам русской словесности. Будут ли преодолены второй, третий, последующий барьеры, гадать не будем. Не потому что прогнозы – дело неблагодарное, хотя и помечтать вроде бы тоже не вредно, просто для нас в данный момент важнее сам факт появления очередного номера и все, что за этим явлением следует.

Почему-то верится, что для большинства читателей знакомство с новоявленным «Днем поэзии»

– не столько ностальгия о том еще альманахе, который выходил в советские годы с 1956 по 1990 год, сколько желание возродить в себе чувства духовного и эстетического приобщения к прекрасному. Сегодняшние страницы альманаха – это десятки известных и малоизвестных поэтов из разных уголков России, из Белоруссии, Казахстана, Украины, Армении, Израиля, других стран. Это о них и о себе, как всегда, афористично говорит со страниц «петрозаводского» выпуска Евгений Евтушенко:

*Нас Пушкин выдышал
одноупряжно.
Кто кого выше был –
не так уж важно.
У русской нации
среди пуль, наветов
нет нумерации
её поэтов.*

Зато есть здесь калейдоскоп чувств и мыслей, волнений и тревог, метафор и образов, созвучий и настроений. И все это светло просачивается в

душу, напитывает волшебством и счастьем, энергией любви и сопричастности к великому таинству постижения мира через Слово.

Можно сказать, что «День поэзии» – айсберг, осколок русского поэтического архипелага с прилегающими к нему территориями из малых национальных литератур. Каждая книжка ежегодника – духовная матрица, блуждающая в поиске культурного кода, утраченного нами на обломках вчерашней цивилизации, в несущих конструкциях которой поэзия, изящное слово вообще являлись одной из опорных колонн суперэтнуса. Вот и несет в себе этот метафорический айсберг память о ней, сталкиваясь с воинствующим отрицанием прошлого, с отторжением национального духа в угоду декларируемой абсолютной свободе личности, для которой в эпоху диктатуры менеджеров, пресс-секретарей, сетевых технологий, Интернета и транснациональной коммуникации поэзия – лишь смешная забава предков. Но что-то ведь осталось в нас, если там, внутри, саднит, кровоточит, как, например, в строчках Александра Анашкина:

*Нам пьянеть от границ, от цветных лоскутов
домотканой материи кровных историй...
Хоть картины пиши широтой-долготой,
хоть стирай нас водой из пяти океанов, –
мы останемся здесь...*

Гражданская, врачующе-отрезвляющая сила поэзии в том и состоит, чтобы, проникая в нас, не только радовать, побуждать к добру и состраданию, но и питать противоречиями и горечью времен, в которых нам выдалось жить. И этим особенно ценен возрожденный альманах «День поэзии» для отечественного и русскоязычного читателя, ибо не бывает поэзии вне конкретной эпохи, вне конкретного человека.

«Петрозаводский» выпуск не исключение. Несмотря на свои оформительские изюминки, дизайнерскую фантазию, содержательные, фундаментальные смыслы, в «Дне поэзии – 2013» остались верны выбранному направлению. Ибо куда ж мы даже в самую разнеможно технологичную эпоху от своих эмоций и переживаний, от листопадов и зимних перламутров, любви и предательства. И всякий раз, когда нам дрянно на душе, берем в руки, например, есенинский томик и с потайной жадностью повторяем вслед за ним: «Отговорила роща золотая...», «Не жалею, не зову, не плачу...» или «Пускай ты выпита другим, // Но мне осталось, мне осталось // Твоих волос стеклянный дым // И глаз осенняя уста-

лость...» Ни одна техногенная революция не вытеснит из сердца этих ощущений! Прав Глеб Горбовский, с пафосом строк которого из обозреваемого номера альманаха трудно не согласиться:

*Мы пьем современного мира
коктейли: любовь за бесценку...
А страсти людские Шекспира
не сходят со сцены!*

Не знаю, как кому, но мне, читая новый выпуск «Дня поэзии», хочется воскликнуть: браво, русская поэзия жива! И замечательно, что издание в последние годы активно прирастает провинцией. В этом есть историческая справедливость и неиссякаемый источник новизны и свежести отечественного стихосложения. Слияние в одном издании поэтических потоков двух столиц – Москвы и Санкт-Петербурга с поэтическими потоками из глубинки создает уникальный опыт воссоздания единого российского литературного процесса, который за последние десятилетия порядком обмелел и в силу различных причин застоялся в болотах регионального «самодостатства». Думаю, что с перемещением центра тяжести в подготовке и выпуске альманахов в регионы организаторы проекта выполняют благородную собирательную миссию, без которой невозможно с максимальной полнотой получить представление о состоянии современной поэзии страны.

Прекрасно, что этот совместный столично-провинциальный проект нашел поддержку на государственном уровне: за инициативу по возрождению альманаха «День поэзии» президент ассоциации «Лермонтовское наследие» Михаил Лермонтов, российские поэты Дмитрий Мизгулин, Сергей Мнацаканян и Андрей Шацков в 2013 году стали лауреатами премии Правительства Российской Федерации в области культуры и искусства.

Еще одно важнейшее объединительное начало «Дня поэзии» – в дружбе организаторов проекта с авторами из других государств. Такой, с позволения сказать, «таможенный союз» русскоязычной поэзии помогает сохранять ареал нашего языка и его словесности за пределами административно-государственной территории.

Доброй традицией ежегодника стали публикации статей о классиках русской поэзии. Минувший календарный год был необычайно урожайным на юбилеи. От одного только перечисления имен захватывает дух: Херасков, Державин, Тютчев, Маяковский, Смеляков, Заболоцкий, Яшин, Корнилов, Вознесенский... Отдельная публикация рассказывает о 400-летию рода Лермонто-

вых, в чем мне видится определенная логика: эта статья – мостик к великой дате нынешнего, 2014 года, когда мы будем отмечать 200-летие гения русской поэзии Михаила Лермонтова.

Симбиоз современной лирики и литературоведческого раздела раздвигает тематический горизонт издания, повышает его культурную и духовную ценность. Передайте экземпляр альманаха в школьную библиотеку – и какой богатейший, живой, сочный, честный материал попадет в руки преподавателя русского языка и литературы! Жаль, что так увлекательно о классиках сегодня не пишут в учебниках: «кастрация» русской классической литературы делает свое черное дело, порождая беспамятство, вырванную из единого литературно-исторического контекста вульгарную эпизодичность.

Конечно, на фоне глобальных процессов, внутри которых трансформируется сложившееся после Второй мировой войны равновесие политического и культурного мироустройства, выход ежегодника представляет собой мизерное событие. И все-таки есть в этом маленьком празднике слова что-то симптоматичное: Россия ведь – неотъемлемая часть этого мироустройства, она исторически обладает мощным запасом влияния на общецивилизационные культурные тенденции. И не случайно сегодня она как огромная этнокультурная держава и хранительница традиционных планетарных ценностей подвергается жестокому прессингу со стороны культурного глобализма.

Не знаю, согласятся ли читатели, но острая общественная востребованность в поэтическом альманахе лично мной воспринимается как своеобразная защита от агрессивной пошлости и эстетической безвкусицы в мировом искусстве. И вновь позволю себе обратиться к строчкам А.Городницкого:

Цивилизация устала от культуры...

*.....
Ей дела нет до Ветхого Завета,
Ей важно то, что сделано сейчас.
Достигшая всемирного охвата,
Сметая или ставя города,
Она, как Каин, убивает брата,
Не признаваясь в этом никогда.*

Есть в Воронежской области на берегу Дона село Костенки. Там расположен уникальный археологический музей-заповедник с одноименным названием. Он широко известен в мире открытиями стоянок первобытных людей, проживавших на этой территории от 40 до 20 тысяч лет

назад. Предки жили охотой на мамонтов. При раскопках ученые среди прочих предметов быта (наконечники к копьям, иглы из бивней мамонтов, крючки для ловли рыб, ножи и т.д.) нашли женские фигурки из камня. Причем ученые пришли к выводу, что эти небольшие по размеру скульптуры представляют собой изваяния беременных женщин. Самую первую фигурку так и назвали: костенкинская Венера.

Я часто спрашиваю себя: почему наш предок, дикий человек, пребывая в жесточайших древнетундровых условиях выживания, сердцем и духом стремился ввысь, к звездам, солнцу, чтобы оторвать себя хотя бы взором от брэнного бытия, от кишашей опасностями тверди и почувствовать духовное, молекулярное единение себя и мира, земли и неба? Для чего его огрубелые в черновой и часто кровавой работе пальцы так трепетно и нежно ваяли образ возлюбленной, чтобы эту красоту донести до соплеменников, научить их восхищаться и стремиться к гармонии? У него, предка, не было планшетника и «мобилы», он не пользовался электронной почтой и Интернетом, не запускал «оранжевые» проекты глобализма. Он жил как умел и испытывал потребность в высшей красоте. Почему же некоторые «продвинутые» современники (при «мобилах», айпадах, «мерсах» и прочей суперцивилизованной «утвари») производят впечатление простейших. Восторгаются до визга голыми задницами на театральной сцене, без краски на лице внимают отборному мату в стихах, восторгаются выставками, где вся художественность бытия и гармония мира – это куски железа, ржавые гвозди, ведра и корыта, поддоны из-под кирпича, а то и просто рассыпанные горки сахара или подсолнечных семечек? Я не говорю, что такие атрибуты публичной демонстрации не могут быть использованы в авторской фантазии. Могут, конечно, но не как самостоятельная художественно-философская ценность, а как вспомогательный материал, деталь для создания произведения. Здесь как раз тот случай, когда от перемены мест слагаемых рушится здравый смысл. И самое главное: зачем же продукты-то сюда... Кошунство ведь... Голода, видать, как наши родители в годы войны, не знали...

Кстати, я не противник экспериментаторства в искусстве, в том числе и в стихотворчестве. Поэтика не может быть застывшей в классицизме, романтизме, критическом или советском реализме. Поиск новых форм и содержания – нормальное явление для каждой эпохи. Эксперимент, художественно оправданный, освежает стихи, как

морской бриз. Слава богу, в альманахе, в том числе и нынешнем, не делят авторов на традиционалистов, приверженцев классической формы, и новаторов, допускающих вольности в стихосложении. Но здесь это органично, талантливо, это изящно, и значит, это настоящая поэзия!

В противном случае получается, что за 40-20 тысяч лет до наших дней общество, проделавшее колоссальный путь от дикаря к человеку творящему, созидающему, развившему в себе способность поэтически-одухотворенно постигать окружающий мир, вступило в эру обратного хода времени, вооружившись какой-то кирпично-щебеночной культурой и верлибро-звериной идеологией с доминантой массового потребления. Разве не ложное устремление к абсолютной свободе от тысячелетней морали и нравственности, не обоснование вседозволенности и разврата похоронили под осколками традиции такие уникальные цивилизации, как Древний Египет и Древний Рим?

Нынешний мир стоит у такой же черты.

Сетевая (торгово-посредническая) модель организации различных сторон человеческой деятельности, принцип поточного производства, обеспечение непрерывного коммерческого успеха отрицают индивидуальный, штучный товар (и поэтический вкупе), а сфера чувственного, традиционное искусство и литература объявляются атавизмами, бреднями «воскрешенных» романтиков. По их замыслу, свободная личность не должна быть мотивирована к серьезной, духовно насыщенной работе души и сердца – это требует затрат времени на осмысление и сопереживание. Такой личности отведена роль поглотителя массового арт-попкорна в красочных обертках всевозможных «фабрик звезд», сценических действий с демонстрацией гениталий и однополой любовью, бесформенного и бессодержательного стихопотока с нецензурной бранью...

С этой точки зрения «Дни поэзии», конечно же, мощный фильтр, активный чистильщик современного поэтического пространства. Отсортировывая «околокультурный мусор», он нейтрализует вредоносные мифы о свертехногенности и непоэтичности нынешнего времени. Однако вопрос о том, какое время поэтично, а какое нет, это как пат в шахматной игре: и проиграть невозможно, и победить нельзя. Каждое поколение находило свои аргументы по сути этих определений.

Когда-то давным-давно, на заре перестройки, в одной из публикаций «Комсомольской правды» вычитал любопытную фразу, не помню, правда, автора, а произнесена она была в отношении Ба-

бея: было время, когда в России молодые люди из коммерсантов уходили в писатели, а в наше время они предпочитают уходить из писателей в коммерсанты...

Не знаю, закончилось ли на Руси жуткое время не только комиссарства, но и коммерсантства. Но, судя по всему, нет, если в рейтингах по популярности профессий пока еще побеждают юристы и экономисты – главный резерв в пополнении диктатуры «менеджеров»: «белых воротничков» и «офисного планктона».

Но нередко вижу и другое: в наше внешне «непоэтичное» время почему-то растет число пишущих стихи. Значит, черпают в чем-то молодые авторы вдохновение, находят его в окружающей действительности. Что-то подвигает их выплескивать на-гора вулканическое состояние душ и духовную аритмию сердец? Значит, болит, тревожит, беспокоит что-то; достают неокрепшую душу «проклятые» вечные вопросы бытия, даже виртуальная зараза не затягивает по горло в болото бездуховности и личностного краха. Значит, не все еще отдано на откуп «юристам», «экономистам» и другим рабо- и роботоподобным офисным существам. Значит, крепка еще в крови нашей библейская заповедь: в начале было Слово...

И если это слово действительно Божье, и если живы в нем стыд и грех, вера, надежда и любовь, то не скоро еще его опорочат гонцы беспамятства и разврата. Верней, никогда не опорочат!

В начале ведь было Слово...

И оно – Начало Начал...

И оно – Традиция...

Все остальное – подражание, производное от Сотворенного...

Генетическая память человека прочней новомодных течений. Мы по природе своей отзывчивы на умное и красивое Слово. В этом и состоит высшая степень осознания нами своей личной свободы. И такая свобода не имеет ничего общего со свободой бегать по сцене без штанов, горланить в микрофон рифмованный или нерифмованный мат либо вываливать горы строительного мусора в выставочных залах, приравнивая сиюминутное к вечным ценностям.